Е. Е. Голубинскій.

ПО ПОВОДУ ПЕРЕСТРОЯ В. И. ЛАМАНСКИМЪ

ИСТОРІИ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

КОНСТАНТИНА ФИЛОСОФА, ПЕРВОУЧИТЕЛЯ СЛАВЯНСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1907.

Е. Е. Голубинскій.

ПО ПОВОДУ ПЕРЕСТРОЯ В. И. ЛАМАНСКИМЪ

ИСТОРІИ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

КОНСТАНТИНА ФИЛОСОФА, ПЕРВОУЧИТЕЛЯ СЛАВЯНСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1907.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Сентябрь 1907 г.
Непремѣнный секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. XII (1907 г.), кн. 2-я, стр. 368—380.

По поводу перестроя В. И. Ламанскимъ исторіи дѣятельности Константина философа, первоучителя Славянскаго.

Въ своей статьѣ: «Славянское житіе св. Кирилла какъ религіозно-эпическое произведеніе и какъ историческій источникъ», напечатанной въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1903-го—1904-го годовъ, В. И. Ламанскій отвергаетъ достовѣрность такъ называемаго Паннонскаго житія Константина философа, утверждая, что оно дошло до насъ сильно фальсифицированнымъ, и представляетъ исторію дѣятельности послѣдняго совершенно по новому противъ житія. Твердо оставаясь при томъ, не нашемъ только, но и общемъ или почти общемъ, мнѣніи, что житіе, принадлежа перу ученика Константинова и написанное еще при жизни Меѳодія, дошло до насъ въ неповрежденномъ видѣ и въ семъ дошедшемъ до насъ видѣ должно быть признаваемо за вполнѣ достовѣрную біографію Константина, мы сдѣлали краткія возраженія г. Ламанскому въ нашей Исторіи русской церкви (I тома 2-я полов., 2 изд. стр. 910 sqq). Теперь по поводу общихъ положеній, къ которымъ пришелъ г. Ламанскій въ своей критической работѣ надъ житіемъ относительно сего послѣдняго и относительно дѣятельности Константина и которыя онъ выска-

зываетъ въ отчетѣ о своей научной дѣятельности въ теченіе прошлаго 1906-го года, представленномъ отъ него въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ (общаго отчета по Отдѣленію стрр. 23—25) мы позволимъ себѣ сдѣлать краткія дополнительныя возраженія г. Ламанскому.

Первое общее положеніе г. Ламанскаго гласитъ: «Славянское житіе Константина Философа нельзя считать вполнѣ достовѣрнымъ и безукоризненнымъ источникомъ. Умалчивая о чудесахъ, довольно упомянуть о приписываемомъ Константину Философу переводѣ какой то еврейской грамматики (еще въ IX вѣкѣ не имѣвшейся) въ 8-ми частяхъ, о неточномъ указаніи года сарацинской миссіи якобы въ 851 г. вм. 855—6 г., о прочтеніи Константиномъ Философомъ надписи на якобы Соломоновой чашѣ; о бытности ея въ Константинополѣ молчатъ обильныя средневѣковыя извѣстія о разныхъ того же рода достопамятностяхъ и рѣдкостяхъ.

На пути изъ Константинополя къ Хазарамъ, въ нашу теперешнюю Астрахань, Константинъ имѣлъ продолжительную остановку на Таврическомъ полуостровѣ, въ городѣ Херсонѣ или Корсуни. Во время остановки онъ выучился у здѣшнихъ Евреевъ нужному для него въ предстоявшихъ съ Евреями Хазарскими диспутахъ еврейскому языку, при чемъ сдѣлалъ то дѣло, подъ которымъ В. И. Ламанскій вмѣстѣ съ другими учеными разумѣетъ переводъ еврейской грамматики на греческій языкъ. Подлинная рѣчь житія есть слѣдующая: «Дошедъ до Корсуня, (Константинъ) научися ту жидовстѣй бесѣдѣ и книгамъ, осмъ частіи граммотикіа преложь и отъ того разумъ боли въсприимъ». Если бы слова: «осмъ частіи грамотикіа преложь» разумѣть и о переводѣ Константиномъ еврейской грамматики на греческій языкъ, какъ разумѣетъ г. Ламанскій вмѣстѣ съ другими: то и въ этомъ случаѣ не было бы основанія видѣть въ нихъ свидѣтельство о недостовѣрности житія. Вопросъ о томъ: была или не была у Евреевъ въ половинѣ IX вѣка грамматика ихъ языка, составляетъ вопросъ спорный, на который одни ученые отвѣчаютъ отри-

цательно, а другіе утвердительно. При этомъ не было бы рѣшительнаго основанія смотрѣть на наши слова какъ на указанное свидѣтельство даже и въ томъ случаѣ, если бы всѣ ученые отвѣчали на вопросъ отрицательно. Могло не быть грамматики у всѣхъ извѣстныхъ ученымъ Евреевъ и уже могла она быть у Евреевъ именно Херсонскихъ: община здѣшнихъ Евреевъ была очень давняя,—о ней говорится уже въ сказаніяхъ о Херсонскихъ священномученикахъ, страдавшихъ въ началѣ IV вѣка, и что̀ было бы невѣроятнаго и невозможнаго въ предложеніи, что именно у нихъ явились первые ученые написавшіе грамматику своего языка и что это было до половины IX вѣка? Но по всей вѣроятности въ словахъ житія: «осмъ частіи грамотикіа преложь» должно разумѣть не переводъ еврейской грамматики на греческій языкъ, а нѣчто другое. Если бы разумѣемъ былъ переводъ грамматики, то, съ одной стороны, прямо сказано было бы, что преложилъ съ еврейскаго языка на греческій, а съ другой стороны—не было бы сказано, что осмъ частіи грамотикіа, ибо въ еврейской грамматикѣ не восемь частей рѣчи, какъ въ греческой, а менѣе. Затѣмъ, вовсе не видна и непонятна цѣль, для которой бы Константинъ сдѣлалъ переводъ еврейской грамматики. Говорится, что отъ своего преложенія онъ «боліи разумъ восприимъ», т. е. что при помощи своего преложенія онъ болѣе основательнымъ образомъ ознакомился съ еврейскимъ языкомъ; но что касается до грамматики въ отношеніи къ сему болѣе основательному знакомству, то нужно было читать ее и не было никакой нужды дѣлать ея перевода. Слово «преложити» кромѣ значенія: перевести съ одного языка на другой въ древнее время употреблялось еще въ значепіи: изложить что нибудь. Въ этомъ послѣднемъ значеніи слово «переложити» употребляется напр. въ такъ называемой Ефремовской Кормчей начала XII вѣка, въ переводѣ 12 правила Трулльскаго собора: ὡς ἂν οἱ τῆς ἀληθείας φωστῆρες καὶ διδάσκαλοι διὰ τῶν οἰκείων συγγραμμάτων παρέθεντο, акы истинніи свѣтильници и учителіе своими писаніи преложиша. И мы думаемъ, что въ этомъ именно смыслѣ излагать и

употреблено слово «преложити» въ нашемъ житіи[1]). Для того, чтобы лучше уразумѣть, лучше усвоить себѣ еврейскій языкъ, Константинъ изложилъ восемь частей еврейской грамматики: это будетъ значить, что Константинъ для сейчасъ указанной цѣли попытался и постарался составить для себя по образцу грамматики греческой нѣкоторый очеркъ или нѣкоторый абрисъ грамматики еврейской. Несомнѣнно, что Константинъ былъ человѣкъ выдающихся способностей вообще и выдающейся способности и наклонности къ языкознанію въ частности. А при условіи признанія сего не будетъ совершенно ничего невѣроятнаго въ дѣлаемомъ нами предположеніи. Но предположеніе наше, конечно, уже ничего не говоритъ противъ достовѣрности Константинова житія. Наоборотъ, нисколько не говоря противъ достовѣрности Константинова житія, оно будетъ говорить въ пользу того, что житіе написано при жизни Меѳодія и подъ его редакціей: Константинъ, конечно, не хвастался предъ учениками, какъ онъ изучалъ еврейскій языкъ, но про это зналъ братъ его Меѳодій, на глазахъ котораго происходило самое изученіе, и онъ и могъ сообщить свѣдѣніе о составленіи Константиномъ для себя нѣкотораго очерка еврейской грамматики тому его ученику, которому было поручено имъ написать житіе Константинова.

Когда В. И. Ламанскій указываетъ какъ на одно изъ свидѣтельствъ о недостовѣрности житія Константинова на то, что въ немъ ошибочно относится сарацинская миссія Константина къ 851-му году вмѣсто 855-6-го года: то можно выразить только удивленіе такому указанію. Г. Ламанскій считаетъ ошибочнымъ показаніе житія относительно года сарацинской миссіи не на

---

1) Далѣе въ житіи говорится, что желающій читать въ подробности бесѣды Константина въ Хазаріи съ еврейскими и магометанскими богословами «въ книгахъ его обрящетъ я, еже преложи учитель нашъ и архіепископъ Меѳодій, братъ Константина философа, раздѣли е на осмъ словесъ». Подъ «преложи» разумѣютъ обыкновенно (какъ и мы разумѣли) переводъ Меѳодіемъ сочиненія Константинова съ греческаго языка на славянскій. Но едва ли не гораздо вѣроятнѣе понимать дѣло такъ, что Меѳодій изложилъ бесѣды Константина, составилъ записи ихъ (при чемъ книги записей называются Константиновыми потому, что въ нихъ бесѣды послѣдняго?).

основаніи какихъ нибудь имѣющихся у него положительныхъ достовѣрныхъ свѣдѣній, а единственно на основаніи своихъ предположеній. Онъ предполагаетъ, что Константинъ изобрѣлъ славянскую азбуку не для Моравовъ, въ слѣдствіе ихъ посольства въ Константинополь, а гораздо ранѣе его для малоазійскихъ Славянъ предъ путешествіемъ къ Сарацинамъ (собственно по г. Ламанскому къ тѣмъ же Славянамъ, о чемъ ниже); по свидѣтельству же Черноризца Храбра изобрѣтеніе Константиномъ славянской азбуки имѣло мѣсто въ 855 году. Но указывать на то, что лишь предполагается, какъ на положительное и безспорное, есть пріемъ далеко не настояще историческій... (О Храбровомъ годѣ изобрѣтенія Константиномъ славянской азбуки и о возможности поправить его такъ, чтобы онъ вполнѣ согласовался съ показаніемъ о годѣ житія Константинова, мы говорили въ прежнихъ нашихъ возраженіяхъ В. И-чу.

Сомнѣваться въ достовѣрности показанія житія Константинова относительно того, что въ св. Софіи Константинопольской находилась чаша «отъ драгаго каменія, Соломоня дѣла», т. е. чаша, которая выдавалась и принималась за чашу, сохранившуюся отъ Соломона, нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Знаменитый еврейскій царь Соломонъ былъ однимъ изъ главныхъ героевъ средневѣковыхъ народныхъ сказаній, какъ олицетворявшій собою мудрость и великолѣпіе, и въ разныхъ мѣстахъ Европы не мало находилось вещей, которыя, отличаясь качествомъ матеріала или работы, слыли за вещи Соломоновы. Что̀ же удивительнаго, если оказалася его вещь и въ Константинополѣ, въ которомъ было цѣлое собраніе замѣчательныхъ апокриѳическихъ вещей, начиная съ сѣкиры, которою Ной ковчегъ дѣлалъ, и жезла Моѵсеева? В. И-чъ указываетъ на то, что о бытности чаши въ Константинополѣ молчатъ обильныя средневѣковыя извѣстія о разныхъ того же рода достопамятностяхъ и рѣдкостяхъ. Но вѣдь извѣстія не представляютъ собою общихъ подробныхъ списковъ всѣхъ Соломоновыхъ вещей, находившихся въ разныхъ мѣстахъ Европы, а поединично говорятъ однѣ объ одныхъ, другіе о другихъ

вещахъ, и въ числѣ другихъ вещей очень могло не существовать отдѣльнаго сказанія и о Константинопольской чашѣ Соломоновой, тѣмъ болѣе, что Константинополь находился, такъ сказать, въ сторонѣ отъ западной Европы. Кромѣ Софійской чаши Соломоновой былъ еще въ Константинополѣ, во дворцѣ императорскомъ, тронъ Соломоновъ: западно-европейскія сказанія не говорятъ и объ этомъ Соломоновомъ тронѣ, достовѣрно извѣстномъ намъ изъ домашнихъ свидѣтельствъ (изъ сочиненія Константина Порфирогенита De cerimoniis aulae Byzantinae, lib. II, cap. 15; cfr. комментарій Рейскія къ этому мѣсту Константина Порфирогенита, въ которомъ ведется рѣчь вообще о вещахъ выдававшихся и принимавшихся за Соломоновы, Боннск. изд. т. II, стр. 641 нач..— Исторія чаши, какъ можно предполагать, есть та, что она была сдѣлана для домашняго столоваго употребленія какого-то очень богатаго еврея, что потомъ она какъ-то попала въ магазинъ рѣдкостей, въ которомъ была пріобрѣтена какимъ-то благочестивымъ христіаниномъ, принесшимъ ее въ даръ св. Софіи.—Въ житіи говорится о чашѣ, что она была «отъ драгого каменія», а въ надписи на самой чашѣ говорилось, что она «сътворена древа иного». Думаемъ, что слово: «древо» должно быть понимаемо въ общемъ смыслѣ матеріала, а слово: иный—въ смыслѣ единый, единственный, и что выраженіе «створена древа иного» значитъ: сдѣлана изъ матеріала единственнаго, изъ матеріала драгоцѣннаго.—Надпись на чашѣ начиналась словами: «Чаша моя, чаша моя, прощай...» Это непонятное обращеніе къ чашѣ указываетъ на древній египетско-еврейскій обычай чашеволхвованія или чашегаданія, о которомъ говорится еще въ книгѣ Бытія, гл. 44, ст. 5, и о которомъ см. нѣкоторыя рѣчи у *Winer*'а въ Biblisches Realwörterbuch'ѣ подъ сл. Wahrsager.—Если на основаніи непонятной цифры въ надписи на чашѣ, случайно совпадавшей съ хронологіей царствованія Соломона, Константинъ объявилъ ее (надпись) за пророчество о Христѣ: то должно смотрѣть на это какъ на дань, принесенную имъ своему времени и своему собственному настроенію.

Второе общее положеніе В. И. Ламанскаго гласитъ: «Свидѣтельство житія о составленіи славянской грамоты и переводѣ богослужебныхъ книгъ Константиномъ Философомъ не раньше Ростиславова посольства (862 г.) есть несомнѣнная басня, довольно глупая, такъ какъ честь этого великаго историческаго подвига приписываетъ князю Ростиславу, просившему такого переводчика и грамотѣя для своихъ Моравовъ, и царю Михаилу III, приказывавшему составить грамоту и переводы для Моравовъ. Истинный основатель Славяновѣдѣнія Добровскій (вмѣстѣ съ Востоковымъ), отличавшійся своимъ критическимъ дарованіемъ, давно уже и ясно доказалъ баснословность этого преданія моравскаго».

Житіе Константина дѣйствительно весьма умаляетъ его заслугу въ дѣлѣ введенія у Моравовъ богослуженія на ихъ родномъ славянскомъ языкѣ; но это—не съ его собственной, а съ нашей точки зрѣнія на дѣло. Съ нашей точки зрѣнія главная заслуга Константина состояла не въ изобрѣтеніи азбуки и не въ переводѣ книгъ, что могъ сдѣлать и обыкновенный человѣкъ, а въ мысли дать Моравамъ богослуженіе на ихъ родномъ языкѣ, которая могла явиться только у необыкновеннаго человѣка. Напротивъ, съ точки зрѣнія автора житія, вмѣстѣ со всѣми его современниками и со многими и изъ теперешнихъ ученыхъ (въ томъ числѣ до нѣкоторой степени и съ самимъ В. И. Ламанскимъ?) главное въ дѣлѣ введенія Константиномъ у Славянъ богослуженія на ихъ родномъ славянскомъ языкѣ было изобрѣтеніе имъ славянской азбуки. Что авторъ житія именно такъ смотритъ на дѣло, это дается имъ знать съ совершенною и безспорною ясностію. Но смотря такъ на дѣло и съ настойчивостію говоря, что изобрѣтеніе азбуки составляло исключительно и единственно личный подвигъ Константина, онъ не полагалъ и не подозрѣвалъ, чтобы умалялъ заслугу послѣдняго въ дѣлѣ введенія у Моравовъ богослуженія на ихъ родномъ славянскомъ языкѣ. Между тѣмъ онъ имѣлъ важное побужденіе къ тому, чтобы мысль о введеніи богослуженія на славянскомъ языкѣ усвоялась не Константину,

а самимъ Моравомъ. Дѣло въ томъ, что Греки были совершенно такими же тріязычниками, какъ и латиняне, и совершенно такъ же и столько же укоряли Константина за дарованіе славянамъ богослуженія на ихъ собственномъ языкѣ, какъ и сколько укоряли эти послѣдніе (какъ это совершенно ясно даетъ знать черноризецъ Храбръ въ своемъ сказаніи о письменѣхъ). Такъ вотъ, чтобы уменьшить вину Константина въ глазахъ Грековъ, къ мнѣнію которыхъ не могъ оставаться нечувствительнымъ редакторъ житія Меѳодій, какъ бывшій по національности грекомъ, въ житіи и усвояется мысль о введеніи у Моравовъ богослуженія на славянскомъ языкѣ самимъ послѣднимъ, т. е. авторъ житія хочетъ сказать, что-де Константинъ вынужденъ былъ дать Моравамъ богослуженіе на ихъ родномъ славянскомъ языкѣ, такъ какъ они искали и просили этого. Затѣмъ, было у автора житія еще и другое побужденіе представлять дѣло такъ, какъ онъ представляетъ послѣднее. Ему нужно было отвѣтить на вопросъ: за чѣмъ Моравы присылали къ Грекамъ это посольство, слѣдствіемъ котораго было введеніе у нихъ Константиномъ богослуженія на ихъ собственномъ славянскомъ языкѣ. Моравы присылали къ Грекамъ посольство за тѣмъ, чтобы заключить съ ними политическій союзъ въ противовѣсъ таковому же союзу ихъ враговъ Нѣмцевъ съ Болгарами и чтобы вмѣстѣ съ симъ отдать себя въ церковную власть патріарха Константинопольскаго вмѣсто папы Римскаго. Но политическій союзъ и съ нимъ церковное подчиненіе были до крайности непродолжительны, прекратившись почти или и совсѣмъ тотчасъ по прибытіи Константина въ Моравію, такъ что, съ одной стороны въ то время какъ авторъ житія писалъ послѣднее, о нихъ не было уже никакой памяти, а съ другой стороны—всякое напоминаніе о нихъ Грекамъ, надъ которыми Моравы, такъ сказать, только посмѣялись, было бы для нихъ оскорбленіемъ. По сейчасъ указанному побужденію вмѣстѣ съ другимъ побужденіемъ, которое указано нами выше, авторъ житія и заставляетъ Моравовъ обращаться къ Грекамъ съ просьбою о томъ, мысли о чемъ у нихъ вовсе не могло быть и мысль

о чемъ несомнѣнно во всей цѣлости принадлежала Константину. Такимъ образомъ, дѣйствительное умаленіе житіемъ Котстантина заслуги послѣдняго въ дѣлѣ введенія у Моравовъ богослуженія на ихъ родномъ славянскомъ языкѣ вовсе не обязываетъ непремѣннымъ образомъ къ тому, чтобы признавать свидѣтельство житія о составленіи славянской грамоты и переводѣ богослужебныхъ книгъ Констаптиномъ не ранѣе Моравскаго посольства за несомпѣнную и довольно глупую (!) басню, а вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ можетъ быть объяснено и при твердомъ признаніи достовѣрности сказанія относительно времени составленія Константиномъ грамоты и перевода книгъ. Напрасно г. Ламанскій ссылается на аббата Добровскаго. Этотъ послѣдній еще не зналъ нашихъ такъ называемыхъ Паннонскихъ житій Константина и Меѳодія и, имѣя дѣло съ однѣми позднѣйшими легендами, ничего твердымъ образомъ не установилъ ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ. Правда, что онъ относитъ изобрѣтеніе Константиномъ словенскаго письма и переводъ имъ евангелія ко времени до путешествія Константина въ Моравію; но первые Славяне, которыхъ онъ надѣляетъ славянской азбукой Константина и славянскимъ богослуженіемъ, суть Болгары, что несомнѣннымъ образомъ ложно.

Третье общее положеніе В. И. Ламанскаго гласитъ: «Свидѣтельство мниха Храбра и одна изъ статей Болгарскаго сѵнодика Тырновскаго собора 1211 одинаково утверждаютъ, что слв. грамота и переводъ богослужебныхъ книгъ были совершены въ царствованіе Михаила III и матери его Ѳеодоры, т. е. въ періодъ времени (842—855) не позже 855 г. и должно полагать, не раньше 40-хъ г.г., а приблизительно въ началѣ 50-хъ».

Какъ можно примирить Храбра съ житіемъ Константина, не посягая на это послѣднее и не заподозрѣвая его въ фальсификаціи, объ этомъ мы говорили въ прежнихъ нашихъ возраженіяхъ г. Ламанскому. Если бы у Храбра вмѣстѣ съ именемъ Михаила стояло имя Ѳеодоры, то нашъ способъ его примиренія съ жи-

тіемъ, состоящій въ томъ, чтобы согласиться видѣть у него вмѣсто 855-го года 863 годъ, оказывался бы негоденъ, ибо Θеодора была удалена сыномъ отъ престола и заключена въ монастырь въ 854-мъ или 856-мъ году. Но имя Θеодоры стоитъ вмѣстѣ съ именемъ Михаила только въ сvнодикѣ, а авторитетъ сего послѣдняго въ данномъ случаѣ весьма не важенъ (но есть ли и въ сvнодикѣ то, что усвояетъ ему г. Ламанскій? Въ выдержкахъ изъ сvнодика, приводимыхъ въ статьѣ о немъ Палаузова, напечатанной въ 21-й книгѣ Временника Общества исторіи и древностей, нѣтъ желаемаго мѣста?).

Почему-то г. Ламанскій не говоритъ здѣсь о томъ, для какихъ, по его мнѣнію, Славянъ Константинъ изобрѣлъ славянскую азбуку и перевелъ на славянскій языкъ богослужебныя книги. Въ статьѣ онъ, предполагаетъ, что Константинъ сдѣлалъ то и другое для Славянъ Малоазійскихъ. Въ разныхъ мѣстахъ Малой Азіи, говоритъ онъ, было не мало славянскихъ колоній; нѣкоторые изъ Славянъ этихъ колоній, бывъ такъ или иначе помусульманены состояли на службѣ у Арабовъ и насылаемы были сими послѣдними на имперію для грабежей и для захвата людей и мѣстъ; такъ вотъ, предполагаетъ онъ, правительство византійское и рѣшило попытать счастья, постараться при помощи Константина съ его славянской азбукой и славянскими богослужебными книгами обратить этихъ Славянъ изъ магометанства въ христіанство и такимъ образомъ изъ враговъ имперіи сдѣлать ея друзьями. Это предположеніе г. Ламанскаго, совершенно ни на чемъ не основанное (кромѣ развѣ его давняго знакомства съ Славянами Малоазійскими, о которыхъ онъ писалъ диссертацію еще въ 1859-мъ году) яснымъ и рѣшительнымъ образомъ опровергаетъ само себя. Попытка обратить помусульманенныхъ Славянъ въ христіанство не могла быть произведена тайно, а должна бы была производиться совершенно явно. Но вѣдь никоимъ образомъ византійское правительство и Константинъ не могли надѣяться, чтобы имъ дозволили сдѣлать попытку Арабы (представлявшіе изъ себя въ отношеніи къ Византіи враждебную сто-

рону рѣшительно преобладающую по силѣ). А не имѣя никакой надежды на возможность попытки, они вовсе не могли и помышлять о ней. А слѣдовательно и Константинъ вовсе не могъ, т. е. не имѣлъ побужденій помышлять о томъ, чтобы для нашихъ Славянъ изобрѣтать азбуку и переводить книги.

Четвертое общее положеніе В. И. Ломанскаго гласитъ: «Такъ называемая Хазарская миссія Константина Философа и его брата Меѳодія имѣла мѣсто не въ 858 г. и не на устьяхъ Волги, а въ 861 г. и на среднемъ Днѣпрѣ въ Кіевѣ, когда земля Полянъ по свидѣтельству нашей первоначальной лѣтописи называлась еще Хазаріею, а у Норманновъ Gardariki и только со временъ Олега стала слыть подъ именемъ Руси. Первое ея крещеніе произошло въ 861 г. приблизительно черезъ годъ послѣ перваго нападенія Варяговъ — Руси на Царьградъ (18 іюня 860 г.)».

Передѣлывая совершенно по своему исторію составленія Константиномъ славянской азбуки и перевода имъ богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ и высказывая при семъ предположеніе, что читаемая теперь въ житіи эта исторія представляетъ собой позднѣйшую вставку, г. Ламанскій отвѣчаетъ на вопросъ о томъ, кто учинилъ вставку, обвиненіемъ въ ней Моравовъ, которые-де постарались сдѣлать ее изъ побужденій народнаго славолюбія и тщеславія. Любопытно было бы знать, кого обвиняетъ г. Ламанскій въ передѣлкѣ разсказа житія о Хозарской миссіи Константина. Конечно, не Хазаръ, ибо не предполагаетъ же онъ, чтобы до послѣднихъ доходило житіе Константина; конечно, и не Русскихъ, ибо предполагать это значило бы предполагать, что Русскіе рѣшились, такъ сказать, наложить руки на самихъ себя. Если же ни тѣхъ, ни другихъ, то кого же?

Совершенно передѣлываетъ г. Ламанскій исторію Хазарской миссіи Константина, основываясь отчасти на случайномъ совпаденіи, отчасти на произвольномъ толкованіи позднѣйшей баснословной легенды.

Въ 860-мъ году нападали на Константинополь какіе-то Руссы,

предводителей которыхъ лѣтописцы византійскіе не называютъ по именамъ и мѣста жительства которыхъ они не указываютъ. Къ Руссамъ этимъ, послѣ того какъ они отступили отъ Константинополя, былъ, по свидѣтельству патр. Фотія, посылаемъ епископъ, который успѣлъ обратить ихъ изъ язычества въ христіанство и сдѣлать ихъ вмѣсто враговъ друзьями Грековъ. Нашъ русскій первоначальный лѣтописецъ разумѣетъ подъ Руссами, нападавшими на Константинополь, кіевскихъ Руссовъ, предводимыхъ Аскольдомъ и Диромъ. Г. Ламанскій вполнѣ соглашается съ нашимъ лѣтописцемъ, а такимъ образомъ и посылаетъ епископа изъ Константинополя въ Кіевъ, хотя о послѣднемъ нашъ лѣтописецъ совершенно ничего не говоритъ. Нарочитыя рѣчи о томъ, что до крайности мала вѣроятность видѣть въ Руссахъ, нападавшихъ на Константинополь, Кіевскихъ Руссовъ, предводимыхъ Аскольдомъ и Диромъ, мы ведемъ въ 1-й половинѣ I тома нашей Исторіи русской церкви; здѣсь мы ограничимся краткимъ указаніемъ только наиболѣе рѣшительныхъ возраженій противъ этой вѣроятности. Неизвѣстные Руссы нападали на Константиполь въ 860-мъ году, между тѣмъ какъ Аскольдъ и Диръ, по свидѣтельству нашей первоначальной лѣтописи, признаваемому всѣми историками, прибыли въ Кіевъ изъ Новгорода отъ Рюрика въ 862-мъ году. О Руссахъ, нападавшихъ на Константинополь, патр. Фотій говоритъ, что они подняли руки противъ римской державы послѣ того какъ поработили находящихся кругомъ себя и отсюда помыслили о себѣ высокое, а это совершенно не идетъ къ Аскольду и Диру. Если бы въ Кіевъ приходилъ изъ Константинополя епископъ, обратившій здѣшнихъ Руссовъ въ христіанство и остававшійся у нихъ епископствовать, то невозможно было бы, чтобы въ Кіевѣ не сохранилось о немъ никакихъ преданій, какъ это на самомъ дѣлѣ... Не желая совсѣмъ отнимать у миссіи права называться Хазарской, г. Ламанскій утверждаетъ, будто земля Полянъ по свидѣтельству нашей первоначальной лѣтописи въ 861-мъ году называлась еще Хазаріею. На самомъ дѣлѣ наша первоначальная лѣтопись говоритъ, что земля Полянская платила

нѣкоторое время дань Хазарамъ и вовсе не говоритъ, чтобы она называлась Хазаріей.

Но положимъ, что епископъ приходилъ изъ Константинополя именно къ Кіевскимъ Русскимъ, хотя онъ къ нимъ и не приходилъ, однако патр. Фотій вовсе вѣдь не говоритъ, чтобы съ епископомъ были посыланы къ тѣмъ или инымъ Руссамъ Константинъ и Меѳодій: на какомъ же основаніи утверждаетъ это г. Ламанскій? Онъ утверждаетъ это на основаніи такъ называемой Бандуріевой греческой легенды, которая, принадлежа къ числу позднѣйшихъ баснословныхъ легендъ, усвояетъ Кириллу и Аѳанасію (вмѣсто Меѳодія) крещеніе св. Владимира и баснословіе которой онъ понимаетъ такъ, что ею смѣшивается съ крещеніемъ Владимира крещеніе 861 года (въ русскомъ переводѣ легенда напечатана нами въ 1-й половинѣ I тома нашей Исторіи русской церкви).

Въ давнее время В. И. Ламанскій признавалъ и называлъ наше житіе Константина драгоцѣннымъ (въ диссертаціи «О Славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи», напечатанной въ 1859 г.), и онъ былъ совершенно правъ: житіе, написанное современникомъ и ученикомъ Константина, несомнѣнно при жизни и подъ редакціей Меѳодія [1]), и дошедшее до насъ въ неповрежденномъ видѣ, представляетъ собою достовѣрную біографію Константина, которою покрываются или закрываются (похѣряются) всѣ позднѣйшія о немъ, болѣе или менѣе искажающія дѣйствительность и баснословящія, сказанія. Что же касается до его теперешняго крайняго невѣрія въ житіе, то мы не можемъ не признать его столько же неправымъ...

Е. Голубинскій.

---

1) Выше мы привели слова житія о преложеніи Меѳодіемъ книгъ, содержащихъ бесѣды Константина въ Хазаріи съ іудейскими и магометанскими богословами. Ясно, что тутъ говорится еще о живомъ Меѳодіи, ибо при имени его нѣтъ никакого эпитета, въ родѣ: святопочившій, блаженный, который непремѣнно находился бы при немъ, если бы говорилось уже объ умершемъ.

нѣкоторое время днѣ Хазарамъ, вовсе не говоритъ, чтобы онъ назывался Кирилломъ.

Не находимъ, что онъ ясно приходилъ изъ Константинополя именно къ Кіевскимъ Русскимъ, хотя онъ къ нимъ и не приходилъ, однако житіе Феодора вовсе нѣтъ не говоритъ, чтобы съ евангеліемъ были посланы къ тѣмъ или инымъ Русскимъ Константинъ и Меѳодій; на какомъ же основаніи утверждаетъ это г. Ламанскій? Онъ утверждаетъ это на основаніи такъ называемой Бандуріевой греческой легенды, которая, принадлежа къ числу позднѣйшихъ баснословныхъ легендъ, усвояетъ Кириллу и Меѳодію (вмѣсто Михаила) крещеніе св. Владиміра и баснословіе которой онъ понимаетъ такъ, что оно смѣшивается съ крещеніемъ Владиміра крещеніе 861 года (въ русскомъ переводѣ легенда напечатана нами въ 1-й половинѣ I тома нашей Исторіи русской церкви).

Съ давняго времени В. И. Ламанскій признавалъ и называлъ наше житіе Константина драгоцѣннымъ (въ диссертаціи «О Славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи», напечатанной въ 1859 г.), и оно есть совершенно правое житіе, написанное современникомъ и ученикомъ Константина, несомнѣнно при жизни и подъ редакціей Меѳодія [1], и дошедшее до насъ въ неповрежденномъ видѣ, представляетъ собою достовѣрную біографію Константина, которая покрываетъ или опровергаетъ (побиваетъ) всѣ позднѣйшія о немъ, болѣе или менѣе искажающія дѣйствительность и баснословныя сказанія. Что же касается до его теперешняго крайняго недовѣрія къ житію, то мы не можемъ не признать его совсѣмъ неосновательнымъ.

Е. Голубинскій.

---

[1] Если мы примемъ слова житія о переложеніи Меѳодіемъ книги, содержащей дебаты Константина въ Хазаріи съ Іудеями и магометанскими отвѣтами. Дѣло, что будто говорится еще о живомъ Меѳодіи, что при имени его нѣтъ никакого эпитета въ родѣ: святопочившій, блаженный, который непремѣнно находился бы при немъ, если бы говорилось уже объ умершемъ.